

*Историческое
наследие*

В. А. ПОТТО

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

том

1

В.А.Потто

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

От древнейших времён
до Ермолова

том

1

СТАВРОПОЛЬ
"КАВКАЗСКИЙ КРАЙ"
1994

XVII

ГРАФ ГУДОВИЧ (Падение Анапы)

Когда граф Павел Сергеевич Потемкин, с 1787 года только носивший звание кавказского наместника и не имевший никакого влияния на дела края, был в 1791 году окончательно отчислен с Кавказа, на место его получил назначение граф Иван Васильевич Гудович. Новый наместник принадлежал к небольшому числу серьезно образованных людей прошлого столетия. Он слушал университетские лекции в Кенигсберге, Галле и Лейпциге и потому, на основании еще регламентов Петра Великого, был принят на службу первого января 1759 года прямо офицером. Близость к всеильному при Елизавете Петровне графу Шувалову, у которого он был адъютантом, а потом протекция в лице его родного брата, генерал-адъютанта и любимца нового императора Петра III, способствовали настолько возвышению Гудовича, что на четвертом году службы он был уже полковником и командиром Астраханского пехотного полка. С кончиной Петра Гудович лишился своего значения при дворе, но блестящие способности молодого человека не могли остаться незамеченными и в новом царствовании.

Поход в Польшу в 1763 году, с корпусом генерала Штофельна, дал Гудовичу случай оказать весьма серьезную услугу правительству и выказать свои способности. Военное начальство командировало его в Гали-

цию с секретным поручением склонить некоторых польских магнатов к выбору на польский престол Станислава Понятовского, и, благодаря поддержке и влиянию таких людей, как гетман Ржевусский и князь Чарторижский, Гудович блистательно исполнил поручение.

Спустя четыре года мы видим Гудовича вместе с полком уже в Турецкой кампании, где каждый шаг его ознаменовывается блестящей храбростью. Так, одиннадцатого июля 1869 года, под Хотиним, он с одним батальоном своего полка отбил сильную вылазку из крепости, а в августе с тем же самым батальоном выручил русский авангард, разбитый в Рачевском лесу, отнял назад четыре орудия, взятых турками, и со своими ничтожными силами нанес решительное поражение девяти тысячному турецкому корпусу.

В следующую кампанию Гудович с неменьшим отличием участвует в сражениях под Ларгой, Кагулом и на Браиловском приступе. Румянцев поручил ему отдельный отряд из пяти батальонов пехоты, эскадрона Ахтырских гусар и четырех казачьих полков, с которыми он должен был очистить от турок Валахию. Гудович разбил турецкий корпус, встретивший его под стенами Бухареста, взял два знамени и четыре орудия и на плечах бегущего неприятеля занял столицу Валахии. Особенно отличились в этом сражении кавказский уроженец Горич и донец Проневич, которые во время кавалерийской атаки изрубили байрактаров (знаменщиков) и овладели знаменами. За это блистательное дело Гудович был произведен в генерал-майоры.

Восстановив в Валахии законное правительство, Гудович получил приказание отправиться в отдельный корпус генерал-аншефа Олица. Здесь, двенадцатого апреля 1771 года, он участвовал в приступе Журжи, командуя средней штурмовой колонной. В самом разгаре приступа, когда Олиц внезапно заболел, а оба колонных начальника генералы де Молле и Гротенгельм выбыли из фронта ранеными, Гудович принял начальство над корпусом и после кровопролитного боя взял крепость, где пятнадцать орудий и восемнадцать знамен достались в руки победителей. По смерти Олица Гудович был утвержден командиром отдельного корпуса и на зиму оставлен в Валахии.

С открытием кампании 1772 года корпус Гудовича поступил под общее начальство князя Репнина, стоявшего тогда под крепостью Турно. Во время этой осады турки внезапно атаковали Журжу, и малодушный комендант ее, не дождавшись помощи, сдал крепость неприятелю. Неожиданное появление отряда Гудовича, посланного на выручку к Журже, всполошило турок, и комендант выслал парламентаря объявить Гудовичу, что если войска его начнут нападение, то русский гарнизон, еще оставшийся в Журже, вопреки капитуляции будет перерезан.

- Поезжайте назад, - ответил Гудович парламентарю, - скажите, что если эти несчастные забыли завет наших предков: "Лечь костями, ибо мертвые срама не имут", - то они не братья наши, и мы их презираем. Турки могут делать с ними все, что угодно.

Однако же атаковать крепость, в которой засело двенадцать тысяч турок, Гудович не решился. Только в июле русские войска под общей командой генерала Эссена вторично подступили к Журже, штурмовали ее вопреки советам Гудовича, но были отбиты с огромной потерей: около двух тысяч русских солдат пало на валах укреплений и семь пушек сделались добычей неприятеля. Сам Гудович был ранен в правую ногу. Он не хотел, однако же, оставить армию и участвовал в кровопролитном сражении двадцатого октября на реке Дембовице, последствием которого было поражение армии сераскира и сдача Журжи, стоившей русским в этом году так много крови.

Этим закончились действия Гудовича в первую турецкую войну. Начав поход молодым полковником, он окончил его генерал-майором с Анненской лентой и Георгием на шее. Имя его приобрело популярность в армии; и если его горячий, суровый и недоступный характер не всегда правился подчиненным, то никто из них не мог отказать ему в уважении. Пятнадцать лет мирного времени Гудович провел в звании начальника дивизии, а потом генерал-губернатора и заместника Рязанской и Тамбовской губерний. В это время он был произведен в генерал-поручики и награжден орденами св. Александра Невского и Владимира 1-ой степени.

Вторая турецкая война снова вызвала Гудовича на ратное поле. Командуя отдельным отрядом, он взял

укрепленное место Гаджибей (нынешняя Одесса), затем принудил к сдаче крепость Килию и подступил к Измаилу. Но Измаил был не Килия и не Гаджибей. Грозные стены его защищались сорокатысячным гарнизоном под начальством мужественного сераскира, решившегося умереть, а не сдаться. Двадцатого ноября Гудович донес Потемкину, что овладеть Измаилом в настоящем году невозможно. Потемкин ответил присылкой Суворова - и неприступная крепость была взята штурмом. Гудович уже не участвовал в этом приступе: он был отозван в главную квартиру, где некоторое время состоял без должности. Между тем, императрица пожаловала ему за взятие Килии чин генерал-аншефа, а вслед за сим, двенадцатого ноября 1790 года, назначила его кавказским наместником.

Гудович прибыл в резиденцию наместничества, в город Георгиевск, двадцать шестого января 1791 года, а спустя несколько месяцев он уже блестяще вписал свое имя в летописи кавказских войн покорением Анапы - этого крепкого разбойничьего гнезда, высылавшего на русские пределы целые орды хищных горцев и уже два раза заставившего русские войска испытать неудачу.

Нашествие Батал-паши было свежо в памяти кавказских войск и убеждало Гудовича в необходимости скорейшего разрушения этого разбойничьего притона. И скоро он, во главе пятнадцати батальонов и двух казачьих полков с пятьюдесятью орудиями, был под стенами Анапы.

Участь крепости была решена двадцать второго июня 1791 года. Рекогносцировки убедили наместника, что крепость с суши превосходно защищена семью бастионными фронтами, соединенными между собой куртинами; что широкий ров, опоясывая ее полукругом и упираясь своими концами в обрывистый берег Черного моря, достигает нескольких саженей глубины, выложен камнем, а в некоторых местах даже просто высечен в каменистом грунте. Гудовичу известно также, что Анапу защищает пятнадцатитысячный отборный турецкий корпус и что в городе находится известный агитатор Шейх-Мансур, присутствие которого, по его влиянию на умы мусульман, могло заменить собой не одну тысячу войска.

Ночью шестнадцатого июня Гудович обложил

Анапу, а на следующий день с утра батареи открыли по ней огонь. Гудович торопился с приступом, сознавая, что положение его корпуса может сделаться отчаянным. Перед ним были грозные твердыни, уже видавшие перед собой русские силы. За ним собирались отчаянные полчища горцев, готовые отрезать отступление или броситься в тыл русским, чтобы поставить их между двумя огнями. К тому же имелись сведения, что турецкий флот спешит на помощь Анапе и что он уже только в двух или трех переходах от нее.

День двадцать первого июня прошел в приготовлениях к штурму. Войска разделились на четыре колонны, из которых одна, под командой генерала Загряжского, расположившись тылом к Анапе, приготовилась отражать нападение горцев, а остальные, под начальством генералов Булгакова, Депрерадовича и барона фон Шица, назначались на приступ. Гудович ездил по войскам и воодушевлял солдат рассказами о грозном Измаильском штурме; и солдаты, вдохновляясь на этой глухой окраине отечества славой своих далеких сослуживцев, кипели желанием боя и обещали друг другу или взять Анапу, или умереть под ее стенами. В их положении, впрочем, другого выхода и не было.

В глухую полночь с двадцать первого на двадцать второе июня со всех русских батарей началась жестокая канонада. Турки отвечали не менее сильным огнем. И русские колонны при громе пушек и шуме морского приboя двинулись к Анапе.

Первые две колонны, спустившись в ров и приставив лестницы, быстро, "по-измаильски", взобрались на стены и, несмотря на стойкое сопротивление турок, проникли в крепость. Третья колонна, генерала Шица, попала под сильный перекрестный огонь и была отброшена назад с огромным уроном. Но, устроившись, она повторила атаку и после жестокого боя утвердилась на правом бастионе. Воодушевление русских войск было так велико, что многие начальники, например, полковники Чемоданов, Муханов, Келлер, Веревкин, Самарин, граф Апраксин и подполковник Нелидов, будучи ранены, и иные по несколько раз, не оставили строя. Гудович обратил особенное внимание на артиллерийского майора Меркеля, старого георгиевского кавалера,

которому ядро раздробило руку и который, несмотря на это, до конца распоряжался действиями своих батарей.

Между тем, турки сопротивлялись так упорно, что к шести часам утра почти весь главный русский резерв уже был израсходован, и Гудович ввел в дело остальную конницу, состоявшую из четырех полков под начальством бригадира Поликарпова. То были полки: Тираспольский конно-егерский и драгунские - Владимирский, Астраханский и Нижегородский. Они пронеслись в карьер под смертоносной тучей картечи и, спешившись в воротах крепости, отгеснили турок от окраин города. Поднимавшееся солнце застало еще кровавое побоище в домах и на улицах Анапы.

Между тем, восемь тысяч черкесов спустились с гор и всей массой обрушились на горсть линейных казаков, стоявших впереди отряда Загряжского. Но "отменно храбрые гребенские и терские казаки, - как говорит Гудович в своем донесении, - не подались ни шагу назад". К ним скоро подошел на помощь подполковник Львов с Таганрогским драгунским полком и врезался во фланг черкесской коннице. В то же время казаки, предводимые Загряжским и полковником Спешневым, пошли в атаку с фронта, и неприятель, охваченный с обеих сторон, побежал. Оправившись, горцы возобновили нападение, но несмотря на все усилия, они не могли уже прорваться, чтобы ударить в тыл штурмующим колоннам.

Анапа была взята. Первые минуты, последовавшие за взятием крепости, были ужасны. Победители, раздраженные долгим сопротивлением и понесенными потерями, думали только о мщении. Более восьми тысяч турок были перерезаны в самой Анапе, столько же погибло и потоплено в море, и из всего анапского гарнизона спаслось на лодках едва ли более полутора человека. Пленных взято было не много, но зато в их числе находились комендант Анапской крепости, его помощник - сын знаменитого Батал-паши, в то время жившего пленником в России, и, наконец, Шейх-Мансур.

Разграбленный город доставил солдатам богатую добычу. Восемьдесят три пушки, двенадцать мортир, сто тридцать знамен и несколько бунчуков составили трофеи этой славной победы. Русские потеряли на этом штурме девяносто три офицера и до четы-

рех тысяч нижних чинов, следовательно, половину отряда.

Кровопролитный анапский приступ, совершенный годом позже измаильского, хотя и не получил такой же громкой и всеобщей известности, но, по справедливости, стоил Гудовичу едва ли не больших усилий, чем измаильский Суворову. Достаточно сказать, что Измаил был окружен со всех сторон русскими войсками, тогда как Гудович мог обложить Анапу только с суши, а с моря она имела возможность всегда получить подкрепление; Суворов знал одного неприятеля, бывшего впереди его, в стенах крепости, - Гудович поставлен был между двумя огнями и бился лицом в две разные стороны; при неудаче Суворов мог всегда отступить - Гудович был окружен, и в случае отступления неминуемо погиб бы со всем своим отрядом.

Едва Анапа пала, как показался сильный неприятельский флот и стал на якоре верстах в пятнадцати от берега. Было уже довольно темно, и турки, еще не зная, что судьба Анапы уже решена, отправили в гавань три кирлангича, которые вместе с экипажами и были захвачены русскими. На флоте об этом ничего не знали, но на следующий день, увидев множество плывущих тел, которые волны прибивали к самым кораблям, турки поняли в чем дело и, подняв паруса, поспешно удалились. В то же самое время получено было известие, что турки оставили Суджук-Кале, и Гудович занял его без боя. Обе крепости были скрыты, батареи их взорваны, рвы и колодцы засыпаны, пороховые погреба и палисады уничтожены, и самые дома жителей истреблены огнем до основания. Таким образом, один день промедления - и Гудович, ввиду прибытия флота, должен бы был отказаться от приступа и отступить без успеха, так как штурмовать Анапу под огнем многочисленной морской артиллерии, конечно, не представлялось бы возможным.

Императрица достойно оценила блистательный подвиг, пожаловав Гудовичу орден св. Георгия 2-ой степени и золотую, украшенную лаврами и бриллиантами шпагу, а несколько позже, в день заключения мира, и орден св. Андрея Первозванного. Генералы Загряжский, Булгаков, Шиц и бригадир Поликарпов получили ордена св. Георгия 3-ей степени, а полковники Самарин, Апраксин, Веревкин и капитаны Пище-

вич и Бачурин - тот же орден 4-ой степени. Бачурин, офицер четвертого батальона Кавказского егерского корпуса, обратил на себя внимание тем, что, уже раненый, первым вскочил на батарею и, видя невозможность удержать ее, собственноручно заклепал несколько пушек, а остальные с помощью людей опрокинул вверх лафетами или сбросил с барбетов.

Покончив с Анапой и возвратившись в Георгиевск, Гудович деятельно занялся устройством русской пограничной линии. Он начал с того, что обуздал кабардинцев, введя у них родовые суды и преследование за такие преступления, которые до сих пор подлежали только духовному суду шариата, а в народе считались даже доблестями. К ним принадлежали взаимные набеги, кровомщение и даже куначество, обязывавшее защищать в своем доме каждого, не исключая убийцы.

Новая юрисдикция, не совсем понятная для горцев, вторгавшаяся в область их вековых народных обычаев, вызвала среди кабардинцев общее неудовольствие. Но прежде чем вспыхнуло готовящееся восстание, Гудович ввел в Кабарду войска, арестовал зачинщиков и выслал в Россию двух наиболее влиятельных из них владельцев Атажуклиных. Это были братья Адель и Измаил Гирей, из которых последний был тогда подполковник и имел Георгиевский крест.

Для лучшего прикрытия русских границ Гудович проектировал устройство новой Линии от верховьев Кумы по сухой границе и по Кубани до устья Лабы. На этом пространстве он думал расположить ряд укрепленных казачьих станиц - по примеру того, как это сделано было на Тереке. К сожалению, мысль его обратить в поселенных казаков те донские полки, которые служили на Кавказе, вызвала среди них открытый бунт, и казаки, оставив своих старшин, но забрав знамена, ушли на Дон и там произвели всеобщее смятение.

Один из современников этих событий, новочеркасский священник Рубашкин, оставивший свой дневник, рассказывает в нем, что в Новочеркасск прибыло более тысячи казаков из полков Поздеева, Луковкина и Кашкина. Тридцать первого мая 1792 года до трехсот человек ворвались в залу к атаману Иловайскому, требуя, чтобы им показали именно

указ, "за что" Гудович принуждал их поселиться на Кавказской линии. Казаки требовали войскового круга, и Иловайский уступил. Но едва окончилось в кругу чтение некоторых бумаг и писем Гудовича о поселении на Кубани двенадцати новых станиц, как казаки кликнули: "Отымай дела!". - "И тут, - прибавляет повествователь, - была штурма..."

Правительство вынуждено было послать регулярные войска для водворения спокойствия, но, несмотря на то, только через три года удалось отправить на Кавказ тысячу донских семей, из которых Гудович образовал новый Кубанский линейный казачий полк, поселенный на проектированных им местах по Кубани в шести станицах: Усть-Лабинской, Кавказской, Григорополисской, Прочноокопской, Темнолесской и Ворсколесской. При двух из этих станиц, Усть-Лабинской и Кавказской, возведены были сильные крепости, первая - на два батальона и семьдесят шесть орудий, а вторая - на один батальон и двадцать семь орудий.

В области внешних сношений деятельность Гудовича была направлена на то, чтобы заставить Персию исполнять договоры и не стеснять русскую торговлю. Но дела скоро на персидской границе приняли весьма неблагоприятный для нас оборот. Один из братьев гилянского владельца, Муртаза-Ку-ли-хан, спасаясь от его преследований, нашел себе убежище в русском селении, основанном при Энзелинском порте с торговыми целями лет за десять перед этим во времена экспедиции графа Войновича. Напрасно жители Гилянской провинции требовали выдачи принца. Им ответили отказом и даже поспешили отправить его на купеческой шхуне в Баку. Но едва судно вышло на рейд, как значительные силы гилянцев напали на селение. Пятьдесят русских солдат под командой поручика Евдокимова, поддержанные пушечным огнем с купеческих судов и военных ботов, героически отразили нападение.

Тогда гилянцы приступили к правильной блокаде селения. Семь дней держалась команда в осаде, но на восьмой, когда не стало провианта и пороха, забрала с собой жителей и, сев на суда, отплыла на остров Сару.

Так закончила свое существование последняя русская торговая колония на берегах Астрабада.

Следовавшие затем вероломные поступки персидского шаха, нашествие его на Грузию, взятие Тифлиса и варварское избиешие жителей еще более осложнили дело, и война стала неизбежной. Получив приказание немедленно начать военные действия с теми средствами, которые находились у него под рукой, Гудович поспешил привести Каспийскую флотилию в почтительное, как он выражался, состояние, и тотчас же отправил два отряда: один, под командой полковника Сырахнева, - в Тифлис, на помощь грузинскому царю Ираклию, другой, генерал-майора Савельева, - в Дербент для овладения городом, который справедливо считался воротами Персии.

Но в то самое время, когда он рассчитывал пожать новые лавры, императрица назначила главнокомандующим всех действующих против Персии войск графа Валериана Александровича Зубова; Гудович же должен был оставаться на Линии и содействовать успеху похода только своевременной отправкой к войскам провианта, снарядов и подкреплений. Обиженный Гудович, ссылаясь на крайнее расстройство здоровья, просил увольнения от должности. Императрица изъявила согласие, но в знак особого благоволения пожаловала ему тысячу восемьсот душ крестьян в Подольской губернии и сохранила при нем все содержание, штаб и канцелярию по званию генерал-аншефа. Начальником же Кавказской линии назначен был генерал-лейтенант Пеленьев.

Но отставка Гудовича была недолговременна. Не успел он доехать до Воронежской губернии, как встретил курьера, который привез ему манифест о вступлении на престол императора Павла и высочайшее повеление немедленно возвратиться на Кавказскую линию, принять под свое начальство всю армию графа Зубова и, прекратив войну, заключить с Персией мир. Война эта была совершенно противна видам нового государя.

Император Павел, благоволивший ко всем, кто некогда стоял близко к его покойному отцу, в день своей коронации возвел Гудовича в графское достоинство и пожаловал ему три тысячи душ крестьян. В следующем году Гудович назначен был военным генерал-губернатором сперва в Киев, потом в Каменец-Подольский и, наконец, главнокомандующим армией, готовившейся тогда к походу на Рейн.

Поход этот, как известно, не состоялся, а вскоре граф Гудович навлек на себя немилость государя, был отставлен от службы и прожил в своем имении безвыездно до 1806 года, когда император Александр снова призвал на службу маститого генерала.